

Слово берет
Нонна МОРДЮКОВА,
заслуженная
артистка РСФСР

ВЕСАМИ ИЩЕШЬ СЧАСТЬЕ

Иллюстрация: 21 сент. 1969 г.

МНЕ часто приходится рассказывать о своей профессии. И, знаете, чем старше я становлюсь, тем труднее мне объяснить, почему я пошла именно в актрисы...

В моей творческой биографии нет ничего особенного. Выросла я на Кубани в многодетной колхозной семье. Конечно, втайне мечтала стать киноактрисой, как и многие мои сверстницы. Только дома знали о моей мечте. Никому не говорила о ней, боялась, что мне скажут: еще чего — в кино захотела! А где у тебя золотые локоны, где очисиние и так далее.

Школу кончила трудно. Наверное, только мечта моя затаянная статья актрисой помогла. Родственники шутили — «ты прямо-таки по-пластунски взяла 10-й класс». Хорошо я училась только по предметам гуманитарным. Тут я была как рыба в воде. Зато по математике, физике и химии училась, прямо скажем, тоскливо. Как начала из двух труб в бассейн вливаться вода и как вышел знаменитый поезд из пункта А в пункт Б — так на том и застряли мои математические способности. Тем не менее десятилетку я все-таки кончила.

И вот приехала в Москву в таком, можно сказать, «необработанном» виде. Сырье — ничего больше. Все во мне было зыбко — в одном я была только тверда: в своей неистовой любви к кинематографу, в желании стать актрисой. Ехала в товарном вагоне без билета, ночевала в лучшем отеле Москвы — на вокзале. А вид у меня был — страшно вспомнить: мальчишковые галоши, надетые на носки, затанное ситцевое платьишко. Время было военное, трудное. Отыскала институт — и совсем сбродила: весь коридор забит молодежью. Все кажутся мне красавицами. У одной девушки, помню, каблучки были стеклянные. Вся она была такая модная, в узкой юбочке. Каблучки эти маячили передо мной — то близко, то далеко. Ну, думаю, куда меня занесло, кому я тут нужна такая?

Долго ли, коротко ли — только приняла меня. И потом глазам своим не поверила, когда

прочла свою фамилию в списке. Я ведь ни в чем не подготовлена была — ни басню, ни стихов, ни прозы прочитать не могла. Прочла единственное, что помнила, — монолог Фамусова! Они смеются, а мне не до смеха. Потом один преподаватель говорит: «Ну что же с вами делать, девушка? Может, расскажете случай какой из жизни? Ну, я, как говорится, «на нервной почве» не один, а целых пять случаев рассказала. Вижу, что смеются, говорю: «Подождите, я еще спою».

Исполнилась моя мечта. А вскоре вышел на экраны мой первый фильм — «Молодая гвардия». И тогда в школе, где учились мои сестры и где им всегда говорили: «Ты что, хочешь, как твоя старшая сестра?..», стали говорить: «Бери пример со своей старшей сестры».

Это было моей первой победой. Победила, конечно, не я — победило мое призвание, моя фанатичная любовь к актерской профессии. Профессия трудная, которая требует всего человека целиком. Я подчеркиваю трудной — чтобы предостеречь тех юношей и девушек в мини-юбочках и модных джинсах, которые думают, что для этого достаточно иметь яркую внешность и прическу а ля Марина Влади или битлы. Нет, внешние данные — это не что «прикладное» в актере. Главное, уметь забыть себя в искусстве, служить ему бескорыстно и верно, главное — определить, где твое настоящее место в жизни. Может быть, вовсе не на сцене, а где-то в больнице, на ферме или у станка. И, может быть, став актером, вы лишили себя счастья найти свое настоящее призвание, делать свое — единственное — дело в жизни!

Не могу удержаться, чтобы не рассказать здесь об одном человеке — председателе колхоза. Мы слышали о нем задолго до того, как приехали в колхоз. Нам было известно, как приехал он сюда много-много лет назад в солдатской шинели, как долго стоял, опираясь на костыль, и как сказал потом, оглядев сожженную дотла де-

ревню: «Ну что, Семеныч, с чего начнем?».

Теперь это колхоз-миллионер. Но не в этом дело. Люди обожают своего председателя. В любом деле чувствуется его рука, и сам он не мыслит себе жизни без этих людей. Жизнь его в нелегких заботах и хлопотах. И тут нет «мелочей» — все одинаково важно — и урожай собрать в срок, и судьбу девушки неустроенной решить, и крышу покрыть старушке — солдатской матери. А теперь представьте себе на минуту, что было бы, если бы поддался он соблазну в молодости «пойти в актеры» или, скажем, стать писателем. Таланта-то не было — и вот выходил бы на сцену с подносом или стишки бы никчемные писал. Какое же счастье, что нашел он микроскопически точно то самое единственное, сладчайшее для него место в жизни!

А какая это трагедия для человека — осознать, что ошибся в выборе пути, что занимаешь не свое место. Я вот одну женщину знаю — Ниной ее зовут. С детства ей была уготована участь «артистки». Слово это пристало к ней прочно. Уже очень щедро наградила ее природа красотой. Девочка росла бойкой, очаровательной. Приходили гости — она становилась на стул и тараторила стишки. И все восхищенно ахали: «Да она у вас артистка!». В детском саду на представлениях ей давали лучшие роли — разных там снегурочек. В школе она тоже слыла первой артисткой.

И вот поступила к нам в институт. Уже после первого семестра всем стало ясно — актриса из нее не получится. Ей тактично сказали об этом. Но были мольбы, слезы, истерики, и ее оставили. С грехом пополам — на тройках окончила институт, стала актрисой театра киноактера. Помню, всем нам было ужасно жаль ее: она играла, а не жила в искусстве. Ни разу не случилось ей быть в той зоне наслаждения, в которую попадает актер, когда найдет себя. Потом она ушла из театра. Недавно я узнала, что она окончила медицинский институт, работает врачом, что люди ее уважают, и когда она

идет по больнице, говорят друг другу: «Нина Ивановна идет». У нее отличный хлебосольный дом, хороший муж, дети, а когда собираются гости, она поет, и все любят ее — так она хороша. Человек нашел себя, и все сразу стало на свои места.

Я еще раз хочу подчеркнуть, какой это сложный и тонкий вопрос — выбрать профессию. Пусть не торопятся молодые люди, окончившие 10 классов. Надо оглядеться, выйти из-под мамыного крылышка, пойти, может быть, на завод, прислушаться к шуму станка. Возможно, он быстро утомит, возможно, человек не поймет этой музыки, и жизнь уведет его в другое место. А может быть, он полюбит именно эту работу, найдет в ней ту самую истинную поэзию труда, без которой сам труд теряет свою цену. И не надо бояться «черной» работы, без нее ни одного поэтического всплеска быть не может.

Кстати, актерская профессия тем и влечет многих, что в ней якобы и вовсе нет «черной» работы. Какая ошибка! И какое разочарование постигнет их потом, когда узнают они, что в основном работа актера и состоит из такой вот «черной» — мерзнешь в холодной воде, часами повторяешь дубли — плачешь, надрываешься, встаешь чуть свет, чтобы ехать в холодном трамвае... Бывает иной раз так неуютно, так скверно на душе, что прямо-таки ненавидишь свою профессию. И все-таки ни на какую другую ее не променяешь.

Есть у меня сын. Решила я его музыке учить — самой не пришлось, а я до сих пор не могу забыть, как мечтала научиться играть на пианино и как рисовала клавиши на газетном листе. И вот думаю — ну, уж сына-то я обязательно выучу. И что же? Я его и просьбами, и кулаками, а он не хочет. Ему, видите ли, нравится, когда другие играют, но он хочет сразу, а сам процесс ему не по душе. Что ж, значит, нет призвания. Потому что у кого оно есть, тому этот процесс сладок даже в своей трудности. Значит, призвание его в чем-то другом. И он не будет счастлив, пока не найдет его.